

ЛИТВИНОВ Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина (Россия, Елец), e-mail: vladlenli@yandex.ru

LITVINOV V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Yelets State University named after I.A. Bunin (Russian Federation, Yelets), e-mail: vladlenli@yandex.ru

ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ВАКУФОВ «СВЯТЫХ МЕСТ» В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

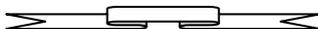
THE POLICY OF THE RUSSIAN AUTHORITIES REGARDING THE WAQFS OF «HOLY PLACES» IN CENTRAL ASIA IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Аннотация. Основной целью статьи является рассмотрение проблемы вакуфов святых мест в Туркестанском генерал-губернаторстве (крае). Указывается, что в регионе находилось большое количество святых мест, как местного, так и регионального значения, а также мест поклонения, к которым шли паломники с сопредельных со Средней Азией территорий. После прихода России в этот регион делались неоднократные попытки властей Туркестанского края поставить под контроль средства, получаемые от вакуфного имущества святых мест, но они не имели сколько-нибудь заметного результата. Очевидно, что власти Туркестанского края боялись действовать резко в решении данной проблемы, понимая, что это может привести к обрушению системы, которая складывалась веками и которая, по сути, была отражением патриархально-феодальных отношений в этом сложном для России регионе.

Ключевые слова: Русский Туркестан, вакуфы, ислам, святые места, Средняя Азия, Российская империя.

Abstract. The main purpose of the article is to consider the problem of the «holy places» waqfs in the Turkestan General Government (Territory). It is indicated that there was a large number of holy places of both local and regional significance, and places of worship, which were visited by pilgrims from territories neighbouring Central Asia. It is stressed that after coming of Russia to this region, the authorities of Turkestan made repeated attempts to bring under control the funds received from waqf property of holy places, but they did not lead to any significant results. In conclusion, it should be noted that obviously, the authorities of Turkestan were afraid to act harshly in solving this problem, realizing that this could lead to the collapse of the system that took shape over the centuries and which in fact was a reflection of patriarchal-feudal relations in this sensitive for Russia region.

Keywords: Russian Turkestan, waqfs, Islam, holy places, Central Asia, Russian Empire.

ВВЕДЕНИЕ

В рассматриваемой нами Средней Азии сложилась своя особая система владения вакуфным имуществом святых мест. В регионе находилось большое количество объектов паломничества, как регионального значения, так

и места поклонения, к которым стекались паломники из других мусульманских регионов. Мало какие из них могли позволить себе существовать исключительно за счет пожертвований паломников. К числу таких можно отнести только наиболее известные, такие как мавзо-

лей Ходжа Ахмеда Яссави в городе Туркестане, гробница Бахауддина Накшбанда близ Бухары, Сулейман-гора в Оше и ряд других, но их количество всегда было незначительным. Большинство же святых мест существовало за счет вакуффов. Преимущественно к ним относились земельные владения, но были среди них и водные источники орошения (или просто доля поливной воды), мельницы, торговые лавки, караван-сарай и проч. Такие владения святых мест основывались на нормах мусульманского права (шариата) о вакуфах – разного рода пожертвованиях в пользу различных мусульманских религиозных учреждений, например мечетей, медресе, мектебов и др. Осмысление сложной религиозной ситуации в регионе и сложившихся традиций в плане владения религиозным имуществом заставило власти обратить внимание на данную проблему и предпринять ряд мер, изучению которых посвящено данное исследование. Его актуальность исходит из потребности изучения многообразного опыта взаимодействия Российского государства с различными религиозными институтами на окраинах империи.

Цель данного исследования – определить степень эффективности российских властей в Средней Азии в решении имущественных проблем святых мест. В качестве методологической основы автором выбраны системный и функциональный методы, которые позволяют рассматривать политику государства в этом вопросе как единую, цельную систему и определить особенности политико-правовой деятельности отдельных органов и учреждений Российского государства.

На первом этапе утверждения царской власти в Туркестане генерал-губернаторы К. П. Кауфман (1867–1881 гг.) и М. Г. Черняев (1882–1884 гг.) пытались бороться с практикой ухода от налогов, но имели мало успеха, поскольку боялись идти на решительные меры из опасений всеобщего возмущения мусульман региона, на которое их легко могло спровоци-

ровать исламское духовенство. Однако, в 1886 году царь утвердил новое Положение об управлении Туркестанским краем, которое положило конец такой практике. Правительство не тронуло вакуфной собственности, закрепив право на таковую в статье 265-й за теми, кто считался ее владельцами на момент принятия положения. Статья относилась к разряду «ненаселенных». Однако в статье 266-й указывалось, что «учреждение новых вакуффов допускается не иначе, как с разрешения генерал-губернатора, который дозволяет сие единственно в случаях, заслуживающих особого уважения» (ПСЗРИ-3. Т. 4. – СПб., 1888. – С. 338). Естественно, что эта правовая норма фактически свела на нет переводы частных земель и иных недвижимых имуществ в вакуфы святых мест с целью уклонения от государственных податей и сборов.

Вакуфное имущество святых мест в Средней Азии было представлено различными объектами. Понятно, что и доходы от них были разными. Но многие из святых мест имели значительные вакуфы и большие доходы. В качестве примера можно привести широко известный среди мусульман Туркестана мазар «Сафид-Булан», расположенный на северо-востоке Ферганской долины (ныне Южный Кыргызстан). Он также часто назывался «Хазрет Шах-Фазиль». По преданию, здесь был захоронен святой Шах-Фазиль, которого почитали как внука самого пророка Мухаммеда. Считается, что мазар был основан в XI–XIII вв. Основу его вакуфа заложил Тимур, по приказу которого был простроен центральный объект мазара – Катта-гумбез. Кыргызстанский историк В. М. Плоских отмечал, что вакуфное имущество мазара постоянно разрасталось за счет новых пожертвований. Всё состояние святого места было в свое время документально зарегистрировано разными правителями Средней Азии в вакуф мазара «Хазрет Сафид-Булан» [13, С. 201]. К началу XX века только земли этого вакуфа насчитывали более

2,5 тыс. десятин, более половины из которых были поливными. Более того, данный мазар имел в собственности и другое имущество. Однако самое главное – он имел вакуфную воду для полива, что в условиях Средней Азии имело исключительное значение. Таким образом, доходы от вакуфных имуществ были весьма значительными. Долгое время многочисленные родственники вели острую борьбу при их разделе, пока в середине XIX века лидеры четырех кланов родственников святого – Махмуд-шейх, Баба-шейх, Омар-шейх и Магомед Нияз – смогли договориться о разделе всех доходов на четыре равные части, каждая из которых поступала бы в распоряжение определенного клана. При этом была выделена из раздела особая часть земли и вакуфной воды (в местности Таш-суу), доходы от которой шли непосредственно на содержание мазара и всех строений на его территории. На начало XX века числилось 94 семейства родственников святого, но следует отметить, что они не получали равные доли от доходов мазара, поскольку среди них имела место классовая дифференциация. 64 семейства имели разные по размерам земельные владения и доли вакуфной поливной воды, 18 – только небольшие участки и без воды, а 12 – не имели ничего и вынуждены были арендовать землю и вакуфную воду у своих родичей [12, С. 32-40]. Раздел доходов от святых мест между их хранителями (владельцами) – родственниками захороненных в них праведников – часто сопровождался острой борьбой и скандалами.

Участник присоединения Средней Азии Г.А.Арендаренко, позднее работавший на разных должностях в Туркестанском крае, а потому хорошо знавший его проблемы, писал в 1889 году о том, что редко кто из шейхов не согласится быть шпионом и не предаст своих родичей только за то, чтобы получить обещание оставить за ним первенство при дележе доходов [3, С. 11]. По этой причине российским властям приходилось нередко разбирать дела,

связанные со спорами потомков святых, относительно их прав на доходы от паломничества к священным мазарам, мавзолеям, гробницам и т.п. Так, 1897–1908 гг. власти Туркестанского края специальным образом рассматривали дело, в котором ходжентские сарты Ходжа Караев, Шейх-Харум Шейхов и др. просили признать их наследниками Хазрет Султана Арифина Ходжи Ахмеда Яссави, с тем, чтобы передать в их распоряжение собственность святого места «Хазрет Султан» в г. Туркестане. В это же время (1901–1906гг.) в канцелярии туркестанского генерал-губернатора рассматривалось прошение жителя кишлака Зенгиаты Баба Ходжа Омар Ходжаева о передаче ему прав на получения доходов Зенгиаты [2, С. 191].

Следует заметить, что проблема получения доходов от святых мест в Туркестане была не только «семейной» и «денежной», но и в значительной мере политической. Естественно, что это касалось прежде всего главных объектов паломничества мусульман Средней Азии, например, таких как мавзолей Ходжи Ахмеда Яссави, гробница Бахауддина Накшбанда, усыпальницы Ходжи Ахрара, Сулейман-горы и др. По объему доходов от паломничества в Туркестане, на наш взгляд, лидирующие позиции всегда занимала Сулейман-гора. Член российской миссии А.Ф.Негри в Бухаре в 1820 году Е.К.Мейендорф отмечал, что паломничество, «достигшее здесь огромных размеров, способствует притоку сюда больших денежных средств» [9, С. 7]. Автор данной статьи отдельно писал об этой мусульманской святыне и паломничестве к ней в своей монографии [5, С. 199-206].

Ожесточенную борьбу за контроль над этими денежными потоками вели между собой в свое время Бухарский эмират и Кокандское ханство. Современные исследователи указывают, что «в среднеазиатских ханствах в конце XIX – начале XX века в собственности вакуффов находилось до половины обрабатываемых

земель» [4, С. 225]. Примерно в том же соотношении их количество было и на территориях Средней Азии, которые вошли в состав Российской империи.

После присоединения Средней Азии к России борьба за доходы от паломничества к Сулейман-горе между различными кланами продолжалась, но она приобрела скрытый, подпольный характер. Царские власти в Туркестане смотрели на нее сквозь пальцы и не вмешивались в делёж доходов. Надо сказать, что при советской власти рецидивы этой борьбы имели место, но они тоже, разумеется, были скрытыми. Но, когда власть Советов в Средней Азии в эпоху перестройки ослабела, эти рецидивы дали знать о себе незамедлительно. Современный российский исламовед А. В. Малашенко, указывал, что одной из причин столкновений между киргизами и узбеками в 1990 году стало соперничество за контроль над расположенными в Оше святыми местами в районе Сулейман-горы. [8, С. 164]. Естественно, что борьба за контроль над святыми местами Тахт-и-Сулейман является, прежде всего борьбой за контроль над финансовыми потоками вокруг них. Следует особо подчеркнуть то непреложное обстоятельство, что события вокруг Сулейман-тоо, происшедшие через десятилетия после того, как авторитетный отечественный востоковед писал эти строки, только подтверждают правоту его мнения.

Иногда родственники святого сами и владели долями вакуфной земельной собственности мазаров, и обрабатывали их. Известный этнолог-туркестановед С. Н. Абашин приводит такой пример: неподалеку от мавзолея «Хазрет имам» («святой настоятель мечети» – В. Л.) все вакуфные земли издавна были поделены между жителями близлежащего кишлака Чаркисар, которыми они владели де-факто раздельно и могли их продавать и передавать по наследству [1, С. 79]. Этот факт может вызвать удивление и показаться выпадающим из стандартной практики в Туркестане.

Однако всё становится на свои места, когда делается небольшое уточнение, указывающее на то, что возделывание вакуфных земель при мазаре «Хазрет имам» не было постоянным (ежегодным), поскольку полностью зависело от снежного покрова в горах и в долине. Поэтому, когда такой покров был незначительным и, соответственно, нельзя было надеяться на достаточное количество поливной воды, вакуфные земли мазара простаивали и, естественно, не приносили дохода своим владельцам.

Однако при этом надо также отметить, что те родственники святого, которые владели частями вакуфных земель и воды, в большинстве своем не обрабатывали их, а сдавали в аренду за деньги или натуральную плату – долю урожая. Практика передачи вакуфного имущества (прежде всего земли и воды) в аренду была широко распространена среди хранителей святых мест Туркестана. Родственники святых предпочитали жить как рантье – за счёт чужого труда. В Туркестане таких людей называли «ахль-вазейф». Согласно мусульманскому праву, аренда вакуфных имуществ (как и прочих) не должна была превышать срока в один год [14, С. 79]. Однако в Туркестане это установление нарушалось еще в «глубинах» дороссийских, ханских времен. Выдающийся российский ориенталист, служивший долгое время в Туркестанском крае, А. Л. Кун отмечал, что местные казии (судьи), как правило, оформляли документы на аренду вакуфов на срок 10 лет, что было незаконно (АВ ИВР РАН. Ф. И-33 (Кун А. Л.). Оп. 1. Д.260).

Нельзя сказать, чтоб царские власти Туркестана особым образом выделяли проблему вакуфов именно святых мест в регионе – они рассматривали ее в контексте общекраевой вакуфной проблемы в целом. Но они и не растворяли проблему вакуфов святых мест в общем потоке. Она неизменно присутствовала в нем как «равная среди равных». Есть основания полагать, что царские власти, желая наве-

сти хоть какое-то подобие порядка в вакуфном вопросе в Туркестане, менее всего хотели трогать вакуфы святых мест, понимая, что в противном случае за ними никто не будет присматривать, так как исчезнет материальная заинтересованность в этом.

Когда среди туркестанской администрации генерал-губернатора К.П. Кауфмана появились настроения к ликвидации института вакуфов и установления над ними государственного контроля, сенатор Ф.К. Гирс, проводивший после смерти Кауфмана правительственную ревизию Туркестанского края в 1882–1883 гг., писал в своем всеподданнейшем отчете о том, что этого никак нельзя делать, поскольку в таком случае правительству придется взять на содержание все мусульманские учреждения, включая, безусловно, и святые места» [11, С. 352–353]. В это же время против ущемления вакуфов в Туркестане выступала и Православная церковь в лице епископа Туркестанского и Ташкентского Александра, который называл такое ущемление «нехристианским делом» [7, С. 172].

Выше мы уже отметили, что Положение об управлении Туркестанским краем 1886 года серьезным образом не затрагивало существование вакуфов. Статья 267-я данного положения устанавливала, что в ведении областных правлений находятся учреждения вакуфных документов, устройство управления вакуфов и ревизия вакуфных доходов (ПСЗРИ-3. Т. 4. – СПб., 1888. – С.338). При этом данная норма срабатывала только в тех случаях, когда вакуф святого места управлялся мутеваллиями. Основная часть вакуфов святых мест и, понятно, доходы от них принадлежали родственникам праведников. По этой причине областные правления старались не вмешиваться в финансовые дела хранителей мазаров и т.п.

После Андиганского восстания 1898 года туркестанская администрация решила вообще отстраниться от контроля за вакуфами, с тем чтобы не давать повода исламистам использо-

вать его как лишний антирусский довод. Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской образовал специальную комиссию по выработке документов для управления «духовными» делами мусульман края [5, С. 192]. Безусловно, комиссия в разработанных ею проектах документов имела в виду вообще все вакуфы в Туркестанском крае, но они, вне всякого сомнения, напрямую относились к вакуфам святых мест. Так, в проекте Положения об управлении вакуфами в Туркестанском крае, в статье 6-й, указывалось: «Попечение о вакуфных имуществах, доходах и расходах принадлежит тому учреждению, в пользу которых они завещаны» (ЦГА РУзб. Ф. И-717 (Совет туркестанского генерал-губернатора). Оп. 1. Д. 16. Л. 413 об.). Тем самым подтверждалось право родственников святых самостоятельно распоряжаться вакуфами и доходами от них таких учреждений, как мазары, гробницы, мавзолеи и т.п. В проекте Инструкции по наблюдению за вакуфными имуществами, в статье 3-й, подчеркивалось, что «ведению администрации не подлежат споры между мутеваллиями и учреждениями, в пользу которых завещаны вакуфные имущества» (ЦГА РУзб. Ф. И-717 (Совет туркестанского генерал-губернатора). Оп. 1. Д. 16. Л. 414).

Однако у нас есть все основания утверждать, что царские власти Туркестана даже при большом желании не смогли бы уследить за доходами и расходами вакуфных имуществ в крае, поскольку они не могли даже точно подсчитать, сколько мазаров и иных святых мест (в документах все они показываются как мазары) находится в каждой области, не говоря уже об их доходах, о которых вряд ли кто из вакуфодержателей мог бы дать действительно правдивые сведения. При этом надо уточнить, что в Семиреченской области, где насчитывалось всего несколько мазаров (до 5), у них не могло быть вакуфов, поскольку это воспрещалось Степным положением от 25 марта 1891 года, указывающим, что в «степных» об-

ластях, в том числе Семиреченской, «вакуфы не допускаются» (ПСЗРИ-3. Т. 11. – СПб., 1893. – С. 136). Можно взять в качестве примера Закаспийскую область, которая тоже управлялась на основании не Туркестанского положения 1886 года, а на основании Временного положения об управлении Закаспийской областью от 6 февраля 1890 года, хотя она фактически входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства с 1898 года (официально – с июня 1899-го). В Закаспийском положении 1890 года вакуфный вопрос никак не регулировался, равно как и мазарный. Можно было иметь любое количество мазаров и вакуфов при них. Но даже в Закаспийской области, где в течение всего дореволюционного периода сохранялось так называемое военно-народное управление, русская администрация не могла подсчитать количество святых мест и их доходы. Канцелярия начальника Закаспийской области (далее – КНЗО) ежегодно подавала сведения на этот счет. Так, в 1902 году, по её данным, в области насчитывалось 175 мазаров с общим доходом в 500 рублей и 200 пудов зерна (ЦГА РТур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2836. Л.44 55 об.). Но уже в 1903 году мазаров в области оказалось 152, причем их доходы указаны не были (ЦГА РТур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2762. Л.44об. – 45 в развороте). В 1904 году мазаров стало 150, а их совокупный доход составил 640 рублей (ЦГА РТур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2838. Л.49 об.) Любопытно, что большой знаток Туркестана (в том числе и вакуфного вопроса) В. П. Наливкин писал, что в том же году 35 мечетей и одно медресе в Закаспийской области имели общий вакуфный доход в 1043 рублей [10, С. 51]. После этого число мазаров в области стало возрастать. В 1906 году их было 157, в 1907-м – 173, в 1908-м – 175, в 1909-м – 186, в 1911 году – 191. Но самое любопытное заключается в том, что в каждом из указанных годов вакуфный совокупный доход оставался прежним – 500 рублей. На 1 января 1914 года КНЗО насчитала уже 304 мазара, что более

чем в полтора раза превышало лучший показатель предшествующих лет. Такой бурный рост числа мазаров вызывает удивление. Но еще большее удивление вызывает то, что все 304 святых места в Закаспийской области имели всё тот же стабильный общий вакуфный доход в 500 рублей [ЦГА РТур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2839. Л. 43 об.]. Всё это может свидетельствовать только об одном – власти Закаспийской области имели слабое представление о количестве мазаров на подвластных территориях. Более того, они, видимо, слабо себе представляли, какие мазары можно считать святыми, а какие – нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состояние со статистикой мазаров и их доходов в других областях Туркестанского края (так называемых коренных), управляющихся на основе положения 1886 года, было приблизительно таким же. Так, в 1900 году в головной области края – Сырдарьинской – насчитывалось 603 мазара с общим доходом в 227 рублей и 150 пудов зерна. Даже если предположить, что в архивном деле допущена ошибка и денежный доход был 2270 рублей, а зерновой – 1500 пудов, то и это не проясняет ситуацию, поскольку в Самаркандской области 346 мазаров имели совокупный доход в 13 909 рублей и 713 пудов зерна, а в Ферганской 286 мазаров – 9749 рублей (без зерна). Таким образом, общий вакуфный доход всех мазаров края составлял 24 535 рублей и 863 пуда зерна [ЦГА РТур. Ф. И-1. Оп.2. Д.2833. Л. 9 об. – 10 в развороте; Л. 11 об. – 12в развороте]. Ошибка в расчетах в деле имеется. Но если из общей суммы вычесть данные по Самаркандской и Ферганской областям, то всё равно на Сырдарьинскую остается только 877 рублей, а по зерну всё сходится. Поэтому вряд ли имеет смысл использовать такие данные, поскольку, по нашему убеждению, они не отражают реального положения мазаров и их доходов. Например, через десятилетие (на 1 января 1910 года) в Ферганской

области власти насчитали 309 мазаров, а их общий вакуфный доход состоял из 15 370 рублей и 3831 пуда зерна, что тоже представляется сомнительным [ЦГА РУзб. Ф. И-1. Оп. 13. Д.780. Л. 168об., 171]. То же можно сказать и о вакуфных доходах таких святынь, как муй-мубараки. На 1910 год в Ферганской области имелось 10 таких священных реликвий, имевших общий вакуфный доход в 1587 рублей и 140 пудов зерна [ЦГА РУзб. Ф. И-1. Оп.13. Д. 780. Л. 193]. По данным на начало XX века, в Ферганской области числилось лишь 6 муй-мубараков, а их вакуфные доходы вообще не показывались. Учреждение же новых вакуфов (даже при появлении четырех новых реликвий) было невозможно из-за трудностей, о которых мы писали выше применительно к Туркестанскому положению 1886 года. Трудно поверить, чтобы и в коренных областях хозяева мазаров и их вакуфов могли сообщить российской администрации правдивые данные о своих вакуфных доходах. Разумеется, они значительно превышали те, что фигурировали в их отчетности по официальной части.

Заключая вышеизложенное, можно прийти к выводу о том, что многие святыне места в Русском Туркестане (особенно крупнейшие) были неплохо обеспечены не только за счет непосредственных пожертвований паломников, но и за счет вакуфных доходов, которые были и больше, и стабильнее. Попытки российских властей поставить под контроль средства, получаемые от вакуфного имущества святых мест, не имели сколько-нибудь заметного позитивного результата. Очевидно, что власти Туркестанского края боялись действовать резко в решении данной проблемы, понимая, что это может привести к обрушению системы, которая складывалась веками и, по сути, была отражением многовековых и специфических социально-экономических отношений в этом сложном для царской России регионе.

Библиография:

1. Абашин С.Н. Община в Туркестане в оценках и спорах русских администраторов начала 80-х гг. XIX в. (По материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан). Сборник Русского Исторического общества №5 (153). – М: Русская панорама, 2002. – С. 71-88.
2. Абашин С.Н. Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (Вакуфное дело дахбитского медресе, 1892–1900). Сборник русского исторического общества. – Т. 7 (155). – Россия и мусульманский мир. – М.: Русская панорама, 2003. – С.162-163.
3. Арендаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889гг. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1889. – 666с.
4. Брусникина О.И., Наумова О.Б., Рощин М.Ю., Соловьева Л.Т. Неопубликованные рукописи Г.И. Карпова по этнографии туркмен в российских архивах // Восток (Oriens). – 2019. – № 5. – С.218-234.
5. Литвинов В.П. Религиозное паломничество региональных аспектов (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – 377с.
6. Литвинов В.П. Государство и паломничество мусульман в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. – 565с.
7. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. – Елец: ЕГПИ, 1998. – 319с.
8. Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. – М.: Б. и., 1996. – 182с.
9. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Предисл. Н. А. Халфина. – М.: Наука, 1975. – 180с.
10. Наливкин В.П. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его за-

воевания. Ежегодник Ферганской области. Т.3. Вып. 1904. – Новый Наманган, 1904. – С. 3-56.

11. Отчёт ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. – СПб. 1888 – 463с.

12. Плоских В.М. Вакуф медресе Алымбека. Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана. Фрунзе: «Илим». 1975. – С.32-40.

13. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе: «Илим», 1977. – 368с.

14. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законоведения. Репринтное издание. – М: МНТПО «Адир». – 641с.

References:

1. Abashin S.N. (2002) Obshhina v Turkestane v ocenkah i sporah russkikh administratorov nachala 80-h gg. XIX v. (Po materialam Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Respubliki Uzbekistan). [The community in Turkestan in the assessments and disputes of Russian administrators of the early 80-ies. XIX century (Based on materials from the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan)] Sbornik Russkogo Istoricheskogo obshhestva №5 (153). – М: Russkaja panorama. – S.71-88. (In Russ.).

2. Abashin S.N. (2003) Islam v bjurokraticheskoy praktike carskoj administracii Turkestana (Vakufnoe delo dahbitskogo medrese, 1892–1900). [Islam in the bureaucratic practice of the tsarist administration of Turkestan (Waqf case of the Dakhbit's madrasah, 1892-1900)]. Sbornik russkogo istoricheskogo obshhestva. – Т. 7 (155). – Rossiya i musul'manskij mir. – М.: Russkaja panorama. – S.162-163. (In Russ.).

3. Arendarenko G.A. (1889) Dosugi v Turkestane. [Leisure time in Turkestan]1874-1889 SPb.: tip. M.M. Stasjulevicha. – 666s. (In Russ.).

4. Brusnikina O.I., Naumova O.B., Roshhin M.Ju., Solov'eva L.T. (2019) Neopublikovannye rukopisi G.I. Karpova po jetnografii turkmenov v rossijskikh arhivah [Unpublished manuscripts by

Georgy. I. Karpov on the ethnography of Turkmen people in Russian archives] // Vostok (Oriens). – № 5. – S.218-234. (In Russ.).

5. Litvinov V.P. (2006) Religioznoe palomничество regional'nyh aspekt (na primere Turkestana jepohi srednevekov'ja i Novogo vremeni).[Religious pilgrimage of a regional aspect (on the example of Turkestan of the Middle Ages and the New Age)]. – Elec: EGU im. I.A. Bunina. – 377s. (In Russ.).

6. Litvinov V.P. (2016) Gosudarstvo i palomничество musul'man v carskoj Rossii: turkestanskij variant (po arhivnym, pravovym i inym materialam) [The state and pilgrimage of Muslims in tsarist Russia: the Turkestan version (based on archival, law and other materials)]. – Elec: EGU im. I.A. Bunina. – 565s. (In Russ.).

7. Litvinov P.P. (1998) Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane. [The state and Islam in Russian Turkestan]. – Elec: EGPI. – 319s. (In Russ.).

8. Malashenko A.V. (1996) Musul'manskij mir SNG. [Muslim world of the CIS]. – М.: B. i. – 182s. (In Russ.).

9. Mejendorf E. K. Puteshestvie iz Orenburga v Buharu.[From Orenburg to Bukhara] Predisl. N.A. Halfina. – М.: Nauka, 1975. – 180s. (In Russ.).

10. Nalivkin V.P. (1904) Polozhenie vakufnogo dela v Turkestanskom krae do i posle ego zavoevanija.[Position of waqf matter in Turkestan region before and after its conquest] Ezhegodnik Ferganskoj oblasti. Т.3. Vyp. 1904. – Novyj Namangan. – S.3-56 (In Russ.).

11. Otchet revizujushhego po Vysochajshemu poveleniju Turkestanskij kraj tajnogo sovetnika Girs. [Report of the Auditor at the Highest Command of Turkestan Krai, Privy Advisor to Girs]. – SPb. 1888. – 463s. (In Russ.).

12. Ploskih V.M. Vakuf medrese Alymbeka. Stranicy istorii i material'noj kul'tury Kyrgyzstana. [Waqf of the madrasa of Alymbek. Pages of history and material culture of Kyrgyzstan]. Frunze: «Ilim». 1975. – S.32-40 (In Russ.).

13. Ploskih V.M. Kirgizy i Kokandskoe hanstvo [Kyrgyz and Kokand Khanate] Frunze: «Ilim», 1977. – 368s. (In Russ.).

14. Tornau N. Izlozhenie nachal musul'manskogo zakonovedeniya. [Presentation of the beginnings of Muslim jurisprudence] Reprint. izd. M: MNTPO «Adir». – 641s. (In Russ.).